

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ПО НОРВЕГИИ: ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ

Показано, как культурные и научные обмены встроены в судьбу профессиональных и познавательных интересов человека. Несмотря на то, что на них влияют актуальные политические события, идеологические контексты, они несут в себе трансграничный потенциал. В том числе, и в долгосрочной перспективе. Использован материал путевых заметок русских ученых, писателей. Показано, что межкультурные коммуникации определяются не только глобальными межгосударственными отношениями, но возможностями и способностями людей, творческой интеллигенции к такому обмену. Дневники путешественников, экспедиции ученых дают богатый материал, чтобы исследовать как в русской литературе, а следовательно, и для русского читателя открывался мир норвежской культуры, норвежской литературы. Какие «случайные» и вместе с тем вполне закономерные события влияли на это.

Ключевые слова:

Грот Яков, дневники путешественников, научные коммуникации, норвежская литература, Симонов Константин, Хьеллани Александр.

Орлова Н.Х. Путевые заметки по Норвегии: тексты и контексты // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 1. – С. 47–50.

© Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: nadinor@mail.ru

Позволю себе думать, что нам, среди нашей шумной и тревожной жизни, среди гордого сознания наших сил, небесполезно было бы иногда обращаться мыслью к народу, который, пройдя совершенно иной путь развития, в тишине, неспешно разрешает свои общие задачи, и в некоторых явлениях своего бытия представляет достойные изучения и подражания.

Я.К. Грот [2, с. 33]

В ноябре 2015 года Центром русистики Латвийского университета (Рига) была организована Международная научная конференция «Латвия – Норвегия – Россия в гуманитарных исследованиях: литературные связи, юбилеи, гендер». Очевидно, что поставлена была задача выявления маршрутов трансграничных обменов культурной памятью. Русско-норвежские пересечения являются нам в биографиях, дневниках, незатейливых воспоминаниях, литературных памятниках. Конечно, ученые, историки, писатели в силу профессии особенно настроены на перспективу обмена, взаимного обогащения культур. В статье – своего рода путешествие в путешествие, каждое из которых отстоит от других на значительное число лет, но они едины в заботе о приращении культурного знания.

Яков Карлович Грот¹ пишет об этом: «Ныне, сам принадлежа к ученому сословию Александровского университета и беспрестанно находя случай распространять свои сведения о Финляндии, я бы

счел себя виновным перед судом науки, если бы не продолжал сообщать публике наблюдения свои касательно края, о котором у нас господствуют самые недостаточные и неверные понятия» [4, с. VII]. Летом 1873 г. он предпринял путешествие по Швеции и Норвегии. Размышляя о судьбах многочисленной армии шведских пленников, стремится выстроить предельно достоверный сюжет по материалам разноязычных описаний, анализирует биографические заметки, воспоминания о всех бывших в русском плену генералах. Грот на примере судеб конкретных персонажей показывает, как встраивались в русскую культуру пленные, как возможно было «подневольное» служение на пользу науки. Замечательный пример капитана Страленберга Филиппа Иоганна (1676–1747), известного своим сочинением о России [7]. В течение 13-ти лет плена он имел возможность путешествовать и составлять карты местности, которые в свое время служили источником географических сведений [3, с. 26]. Добавим, что для исследователей эти записи сохраняют свою актуальность и сегодня.

Мысли Грота об отсроченном, но обязательно востребованном итоге путешествия, сопряженного с ученой целью, с очевидностью подтверждаются и нашим обращением к его запискам. Можно «вывезти из посещаемой страны какое-нибудь новое приобретение для науки, например, неизвестную прежде рукопись, вновь открытый памятник истории или литературы,

или изучить ту или другую отрасль какого-либо языка, какого-либо знания, промысла или производства <...> можно из сделанных наблюдений, распросов, чтений и пр. собрать более или менее обильный материал для будущих исследований или других ученых работ» [2, с.1]. Для Грота очевидно, что «родство балтийским морем» есть «исконная связь народов», которая не исследована, и «любопытным памятником которой остается неоспоримый факт, что на языке финнов, первобытных поселенцев севера, до сих пор Швеция называется Русью (Ruotsi), а Россия – землею Вендов, т. е. бывших прибалтийских славян (Wänäjänmaa) [2, с. 3].

На отсутствие у русских традиции путешествовать в Норвегию пишет в своих путевых заметках профессор И. Арнольд². «Полюбопытствовав развернуть книгу для записи туристов, в ней нашел много лиц из Америки, Англии, Франции, Голландии, – даже попадались японские имена, но русских, если не считать несколько финляндцев, – ни одного: красноречивое доказательство того, как мы гоняемся за модой и посещаем Европу ради ее фешенебельных курортов или много-много избитых Швейцарских палестин» [1, с. 39]. В оптике ученого в первую очередь все, что касается сферы его научных интересов, и вместе с тем, границы узкопрофессионального интереса подвижны и многозначительны. Из незатейливых путевых заметок мы вычитываем не только такие необычные для нашего слуха описания «финляндцев» как русских, но портреты, совсем не парадные, замечательные представителей Норвегии. «Выйдя как-то из отеля утром на улицу, я увидел на одном из перекрестков другую знаменитость – Ибсена, совершавшего, как оказалось, свою обычную ежедневную прогулку в одну из кофейных. Свирепый на всех фотографических карточках и многочисленных других изображениях на разных предметах, Ибсен оказался на самом деле весьма смиренным и тихим старичком с медлительными движениями» [1, с. 56].

Чуть более полвека спустя, в конце лета 1955 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей направило в Норвегию делегацию, в которую входил и писатель Константин Симонов³. Во время этой поездки он вел дневник, о котором он написал: «Вернувшись, я пополнил его многими записями, сделанными по памяти, записал некоторые мысли, явившиеся в связи с увиденным во время поездки, и, располагая здесь, дома, некоторыми материалами, не оказавшимися у меня под ру-

ками в поездке, постарался дать ответы на те из вопросов наших норвежских друзей, на которые не мог там ответить так подробно, как мне бы хотелось» [6, с. 3].

В «Норвежском дневнике» прицельно фиксируется внимание на условиях бытования норвежцев, которые следовало бы изучить и заимствовать для «организации быта советского человека». Интересно, что эти наблюдения современные исследователи оценят как «один из уникальных источников по представлениям об организационной культуре норвежцев в послевоенный период. Организационная культура была неотъемлемой частью сравнения двух стран, культур и политических режимов по разную сторону железного занавеса» [14].

Конечно, важная составляющая поездки – это общение с коллегами по литературному цеху. Мы привлечем внимание читателя к одному эпизоду, который и лег в основу научного доклада, представленного на конференции в Риге. Симонов вспоминает: «С разговора о непосредственной связи между северянами речь переходит на литературу. То, что у нас хорошо и широко знают норвежскую классическую литературу, моим собеседникам известно. Они сразу переводят разговор на литературу современную. <...> в свою очередь задаю вопрос: – А что бы мои собеседники порекомендовали нам перевести и издать из современных норвежских романов? <...> серьезный роман, в котором пусть даже не с близких нам идейных позиций, но все же давалась бы широкая картина общественной жизни, труда и быта норвежского народа, мы могли бы издать» [6, с. 45]. Первое имя, которое ему называют, – имя Александра Хьелланна⁴, классика норвежской литературы, как будто мало известного в России [6, с. 45]. Сам Симонов признается, что это имя ему известно только по энциклопедии.

Из дневника понятно, Симонов не знал, что читатель в дореволюционной России был знаком с произведениями Хьелланна. Почти все переводилось на русский язык [8–12]. Думается, что вышедшее в 1958 г. семидесятитысячным тиражом «Избранные произведения» [13] – своеобразный итог путешествия, благодаря которому такая возможность появилась у советского читателя. Конечно, заметно разнится пафос предисловий к изданиям дореволюционного времени и советского.

Позволим себе наиболее примечательные выдержки. «Немногом писателям Норвегии выпала на долю такая спокой-

ная, счастливая жизнь, такая быстрая популярность в широких кругах читателей на родине и за границей» [10, с. 3]. Не было посылы, которая «приходится на долю почти всякому писателю – мучительных исканий и неудовлетворенности» [10, с. 3]. «Он начал с того, что стал знаменитостью» [10, с. 3]. Уже первым произведением предложил публике свои вкусы, свое обособленное положение в норвежской литературе. Этот сюжет из личной творческой судьбы совпал по времени с возрождением контекстов национальной культуры, норвежского языка в литературе. «Народный диалект» и «норвежская крестьянская культура» патристически группируют вокруг себя творческую интеллигенцию.

Разложение крестьянства, борьба города с деревней, образование нового слоя крестьянской интеллигенции актуальны как в общественных дискуссиях, так и в творчестве. Килланд сохранил свою обособленность от лагеря «националистов» и его позиция – городская культура, социальная справедливость. Он «больше европеец, чем сын Норвегии» [10, с. 4] и увлечен французским реализмом (Гейне, Бальзак, Золя и др.). Определяя свое жизненное поприще, Килланд не видит себя писателем, но при этом увлечен Гейне, зачитывается Кьеркегором, разделяет взгляды Стюарта Милля на женский вопрос, что впоследствии находит свое место в его романах. Поездка и жизнь в Париже играют решающую роль в развороте к писательству. Он приходит на эту дорогу уже зрелой «законченной» личностью в 30-летнем возрасте. Новеллеты (1879) предложили читателю меткие характеристики, остроумный изящный слог, неподдельное веселье, которое «никогда не появлялось на родине мрачного Ибсена» [10, с. 5]. В его романах истории упадка патрицианской семьи, норвежская бюрократия, либеральный чиновник с его «двойственностью, угрызениями совести, гамлетизмом» [10, с. 6]. В них также – жизнь студентов и литературной богемы, «мертвая пустыня» политической жизни страны, сатира на духовенство с его «либеральным пасторством». И все же Килланд – аристократ, который увлекся радикализмом не «сердцем, а головой». Это некий рациональный эксперимент, который хорошо объясняет и то, что писатель «легко» оставляет литературную деятельность, уйдя полностью в государственную. Литературная «акварель» его новелл и сегодня сохраняет за ним статус классика из списка четырех знаковых представителей норвежской литературы.

Как вводился Хьелланн в книжные коллекции советских читателей? Очевидно, что риторика предисловий должна была расставить идеологические акценты. Например, о влиянии парижского периода, который, как принято считать, был знаковым в писательском дебюте. Писатель в Париже «приобщился к жизни развитого капиталистического общества и как бы увидел завтрашний день Норвегии во всей остроте его противоречий» [13, с. VI]. И метка «счастливчика», приписываемая Хьелланну биографами, «противоречит всему духовному облику и творчеству великого реалиста, поистине выстрадавшего свою беспощадную критику буржуазного общества и свои радикально-демократические убеждения» [13, с. IV]. Повороты биографии объясняются утратой иллюзий на фоне глубокого кризиса, который переживала Норвегия на рубеже 80–90 гг. Это привело писателя «в безысходный идейный и творческий тупик, заставив его в полном расцвете славы и сил, на 42-м году жизни, навсегда уйти из литературы» [13, с. V]. Своеобразным пропуском может служить и ссыла на Энгельса, который в переписке с Паулем Эрнстом отзывается о норвежской литературе в превосходной степени. На эту же цитату и ссыла в предисловии к сборнику норвежских новелл, вышедшему в 1978 г. [5]. Для советского читателя Хьелланн – «представитель богатого патрицианского рода, сам весьма состоятельный человек» был вместе с тем наиболее радикальным в XIX в. критиком буржуазного общества, который с поразительной остротой видел все язвы буржуазного общества, социальную несправедливость капитализма [5].

От новеллы «Бальное настроение» [5], автор предисловия даже разворачивает нас к Парижской коммуне, «значение которой Хьелланн понял лучше, чем какой-либо другой норвежский писатель XIX века» [5]. Советский читатель должен тонко уловить обличительную направленность его произведений, которая вызвала «нападки реакционной прессы», «кампанию травли и клеветы» [13, с. XV]. «Ощущение бесперспективности исторического развития вообще», переживание трагедии скептицизма «аналогичную герценовской», «глубоко одинокий», «преследуемый реакцией», «отвергнутый» соратниками, «осмеянный» неоромантиками, Хьелланн предстает перед советским читателем в образе мученика, который уходит из литературы «последовательным демократом и материалистом», чтобы продолжать «бороться за те же не-

Материалы экспедиций, путевых заметок, дневников путешествий, примеры которых здесь приведены, хорошо иллюстрируют соотношение «случайного» и закономерного, значение приватного и

публичного в возможных стратегиях межкультурных обменов и взаимопроникновений. В них, в жанре личного письма, прокладываются трансграничные маршруты культурной памяти, учитываются идеологические ангажементы, пишутся послания в будущее.

Список литературы:

- [1] Арнольд И. Месяц в Норвегии (Из путевых впечатлений). Очерк. – СПб.: Типография Дома Призрения малолетних бедных, 1904. – 60 с.
- [2] Грот Я.К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. [летом 1873 года]. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1874. – 33 с.
- [3] Грот Я.К. О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом. – [СПб., 1853]. – 60 с.
- [4] Грот Я.К. Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео: Путевые заметки Якова Грота. – СПб.: тип. кн. маг. П. Крашеникова и К°, 1847. – 241 с.
- [5] Норвежская новелла XIX–XX веков / Пер. с норв.; сост., предисл. и справки об авт. В. Беркова. – Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. – 447 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1038089/Norvezhskaya_novella_XIX-XX_vekov.html (20.01.2016)
- [6] Симонов К. Норвежский дневник. – М.: Советский писатель. 1956. – 113с.
- [7] Страленберг Ф.И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Сев. и Вост. часть Европы и Азии. – М.–Л.: Ин-т истории СССР, 1985. – 220 с.
- [8] Килланд А. Бал; Увядшие листья: Рассказ; Эскиз / Пер. М. Малых. – СПб.: М. Малых, [1907]. – 13 с.
- [9] Килланд А. Битва при Ватерлоо; Ворон; «Цвет надежды изумрудный»...: [Новеллы] / Пер. С. Марина. – СПб.: М.Г. Корнфельд, 1911. – 64 с.
- [10] Килланд А. Маленькие новеллы / Пер. с норв. и вступ. ст. Я. Сегал. – М.: «Польза» В. Антик и К°, [1909] – 112 с.
- [11] Килланд А. Новеллы / Пер. с нем. Л. Плумянской-Басковой. – СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1908. – 103 с.
- [12] Килланд А. Яд; Фортуна: Два романа / Пер. Э.А. Русаковой. – М.: Посредник, 1895. – 324 с.
- [13] Хьелланн А. Избранные произведения / Пер. с норв.; сост. и вступ. статья Л.З. Лунгиной. – Москва: Гослитиздат, 1958. – 780 с.
- [14] Фельдт А.А. «Норвежский дневник» К.М. Симонова как источник по представлениям в советском обществе об организационной культуре норвежцев. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://history-nso.ucoz.ru/publ/> (20.01.2016)

¹ Грот Яков Карлович (1812–1893) – русский филолог, академик Петербургской АН. Автор работ по истории шведской и финской литературы, по скандинавскому фольклору и мифологии, переводов скандинавских поэтов, а также исследований о русской литературе.

² Арнольд Иван Николаевич (1868–1942) – видный специалист по прикладной ихтиологии.

³ Константин Симонов (1915–1979) – русский советский писатель, поэт, киносценарист.

⁴ Александер Хьелланн (Alexander Kielland, 1849–1906) – норвежский прозаик. Наряду с Генриком Ибсеном, Бьернсоном и Йунасом Ли, входил в норвежскую «четверку великих». Основные произведения: романы «Гарман и Ворсе» (1880), «Рабочий люд» (1881), «Шкипер Ворсе» (1882), трилогия «Яд», «Фортуна», «Иванов день» (1883–1887), «Иаков» (1891), повесть «Эльсе» (1881), сборники «Новеллеты» (1879), «Новые новеллеты» (1880), «Две новеллеты из Дании» (1882).